

БОЛЕЕ половины века моя жизнь связана с театром. Из них почти тридцать лет — с эстонским театром «Ванемуйне». И все мои последующие рассуждения исходят из практического, реального опыта работы. Притом опыта работы в театре города Тарту. Во все-союзном масштабе это город небольшой. И хотя наш театр государственного, академического, он работает в тех же условиях, что и все периферийные городские и областные театры страны.

В дискуссии, начатой на страницах «ЛГ», поднят очень важный вопрос об аншлаге, его плюсах и минусах. Он важен потому, что касается более широкого, исключительно важного вопроса — о положении театра в нашем обществе. В какой мере мы вообще сегодня нуждаемся в театре? И рядом с телевидением, радио и кино не теряет ли он своего прежнего значения?

Это отнюдь не демагогический вопрос. Ибо среди людей мыслящих, подобно «физикам» в их спорах с «дирижерами», распространено довольно широко мнение: в наших театрах такая высокая посещаемость только потому, мол, что это лучшая возможность бывать на людях.

Участники дискуссии справедливо подчеркивают, что ан-

МХАТ, к вахтанговцам и в Малый. Таким образом, для московских театров аншлаг не является столь острой проблемой.

В периферийных театрах дело обстоит несколько иначе. В каждом городе свой социальный состав населения. Но от структуры публики — возрастной, профессиональной и т. д. — зависит, каким репертуаром один или другой театр может обеспечить аншлаг. В «Ванемуйне» мы, например, знаем, что примерно треть наших зрителей — студенты и научные работники, около трети вот уже двадцать лет составляют сельские жители — колхозники, рабочие совхозов, сельские школьники, которые раньше приезжали группами на грузовиках, затем на специально заказанных автобусах, а теперь все чаще на собственных «Жигулях». Нам известно, как наш зритель разделяется по образованию, возрасту, семейному положению и т. д., а также, что семьдесят процентов зрителей составляют в Эстонии женщины и только тридцать процентов мужчины. Следовательно, в наших условиях от зрителей женщин во многом зависит аншлаг театра.

Спектакли «Ванемуйне» в его двух залах посещают двести тысяч человек в год. Для стотысячного города это, по моему, неплохой показатель.

на каком-нибудь легковесном «шлагере».

Преследуя серьезные цели, которые стоят перед театром, надо, на мой взгляд, положить в основу планирования и в основу оценки работы театра потенциальное число зрителей города и района, в котором тот или иной театр расположен, и выяснить, какую часть из них он сумел привлечь, или, выражаясь проще, сколько человек из тысячи, потенциальных зрителей практически ходит в театр. Только эти цифры могут быть единственно объективными при оценке работы какого-либо творческого коллектива. На мой взгляд, следует вообще отказаться от практики, при которой квартальные и годовые премии даются в театрах только в случае перевыполнения, а не выполнения плана. Сегодня, когда мы говорим о научной организации труда, перевыполнение плана, во всяком случае в театре, — показатель не хорошей работы, а доказательство плохого, непродуманного планирования.

Повторяю, условия работы театров в крупных центрах и на периферии весьма различны. Например, в то время как театры больших городов выпускают обычно 3—4 новые постановки в год, периферийные театры — в среднем 8—10, притом при меньшем составе труппы. Крупные театры проводят свои гастроли в больших городах, где в их распоряжении хорошо оборудованные сцены или клубы, к их услугам хорошие гостиницы. В то же время абсолютное большинство периферийных театров большую часть своих гастрольных спектаклей дает на почти неприспособленных сценах в сельских клубах, артисты разъезжают в дряхлых, зимой почти неотапливаемых автобусах, играют в стужу в едва нагретых помещениях, по окончании спектакля часами ждут, пока технический персонал соберет оформление, и т. д. Поздней ночью актеры приезжают домой, утром репетиция, а вечером опять выезд... Таких выездных и гастрольных спектаклей театр «Ванемуйне» проводит в год около 300. И мы уже многие годы выпускаем предусмотренные планом 15 новых постановок ежегодно!

Когда речь идет о сочетании планирования работы театров со спецификой театрального дела, всегда находят голос, которые толкуют это стремление как желание освободиться от планомерной работы. У театра, разумеется, должен быть план, но такой, какой он бывает, например, у научных экспедиций, которые отправляются в неисследованные края. Продукция театра — это не выпущенные постановки и не сыгранные спектакли, а то духовное богатство, тот заряд знаний и эмоций, который зритель должен получить от нас. К сожалению, ни математическим исчислениям, ни бухгалтерским подсчетам подобного рода продукция пока никак не поддается.

Итак, вопрос об аншлаге, его месте и назначении в практической работе театра связан со множеством вопросов организационного характера. И здесь уместно вспомнить известную мысль о том, что, если дано правильное направление, все остальное зависит от конкретной организационной работы.

ТАРТУ

продолжаем дискуссию

АНШЛАГ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Каарел ИРД, народный артист СССР, главный режиссер академического театра «Ванемуйне»

СВОЙ ЗРИТЕЛЬ — КТО ОН?

аншлаг в наших театрах не всегда и не обязательно признают чисто коммерческого подхода. Однако я также полностью присоединяюсь к критическим замечаниям в адрес тех театров, которые ради аншлага идут зачастую на художественный компромисс. Ибо не аншлагом единым жив театр...

К СОЖАЛЕНИЮ, у многих «деловых людей» бытует мнение, будто аншлаг, и только он, — главное мерило хорошей работы творческого коллектива. Пытаясь мыслить «по-государственному», эти люди в разговоре с нами, работниками театра, первым делом спрашивают: окупает ли себя театр, дает ли он доход? И даже при подведении итогов работы театров на первое место выдвигаются финансовые показатели. Слова «этическое и эстетическое воспитание» имеют порой чисто платоническое значение, так как окончательную оценку работы театра решает все тот же аншлаг.

К каким печальным последствиям это может привести, показывает следующий пример.

Некоторое время назад театру, здание которого находилось в длительном ремонте, соответственно снизили план дохода. Театр на скорую руку «сходил» маленькую труппу, она разъезжала по республике с малоудержательной опереткой. Заниженный план был с лихвой перевыполнен, и театр, который фактически находился в простое, оказался в числе самых преуспевающих.

Не приходится удивляться, если при таком положении дела погоня за аншлагом становится волей-неволей обычным явлением, почти общепринятой нормой. От аншлагов зависят премии, присуждаемые не только руководителям театра, но и всему коллективу. На тех же основах определяются премии за перевыполнение квартального и годового планов.

В статье А. Смедянского «Театр уж полон...» я усматриваю лишь одно упущение (частично уже исправленное статьей режиссера из Перми А. Матвеева, «ЛГ», № 38): в своих рассуждениях А. Смедянский исходит в основном из опыта театров Москвы, Ленинграда и некоторых других крупных культурных центров. В большинстве же городов, как правило, существует только один театр, и уже в силу этого он обязан удовлетворять запросы всех слоев населения. Если театр не справляется с этой сложной задачей, ему приходится работать под неотступной угрозой невыполнения плана.

В Москве, как и в других крупных городах, где много различных театров, каждый из них может формировать своего зрителя. К тому же на посещаемости московских театров отражается и тот факт, что в столицу ежедневно прибывает армия командировочных, многие из которых считают престижным делом сходить во

80 процентов из общего числа посещений в год приходится на семь месяцев — с января по апрель и с октября по декабрь, и всего 20 процентов — на остальные четыре месяца (не считая пятого, отпускового). Такое колебание «живого» и «мертвого» сезонного характера не только для нашего, но и для многих других, если не для всех периферийных театров. Мы неоднократно, но тщетно, просили разрешить нам ввести скользящий график выходных дней. В месяцы активной посещаемости мы давали бы спектакли ежедневно, а выходные дни компенсировали бы дополнительным отпуском в период, когда театр все равно пустует. Это было бы выгодно и государству, и нам, работникам театра.

ИЗДАВНА существует мнение, будто наибольшей популярностью пользуются на периферии спектакли легкого жанра — комедии, мюзиклы, оперетты. Но в «Ванемуйне» мы можем играть оперетту с аншлагом только семь-восемь раз в месяц, дальше спектакль не дает полного сбора. Объяснение тому очень простое: оперетта привлекает все-таки не все слои населения. В Тарту ею не очень-то интересуются профессорско-преподавательский состав вузов, сотрудники многочисленных научных учреждений, а также значительная часть студенчества. Но выносить на сцену оперетту без аншлага — это, по нашему мнению, совсем уж ни к чему.

А как быть с такими серьезными, проблемными спектаклями, как, например, «Нашествие» Леонова, «Галлей» Брехта, «Человек со стороны» Дворецкого, «Жизнь в цитадели» Якобсона, которые собирают полный зал обычно на первых 10—15 представлениях? Что же, потом снимать эти пьесы со сцены, если в зале — свободные места?

Распространенное мнение, что неполные залы означают провал спектакля, не только поверхностно, но и глубоко неверно. Постановка может быть удачной, получить всеобщее признание, как, например, «Нашествие» в «Ванемуйне», но аншлага не удостоиться. Может быть, даже потому, что в спектакле много стрелают, а нежная душа нашего среднего зрителя (70 процентов женщин!) больше одного выстрела в течение вечера не выдерживает.

В ПРОГРАММЕ партии и в новой Конституции СССР подчеркнуты воспитательные задачи искусства, этого самого мощного средства формирования всесторонне, гармонично развитых людей, ярких личностей. На мой взгляд, пять тысяч зрителей на спектакле «Любовь Яровая», любой пьесы Шекспира или Брехта с воспитательной точки зрения куда важнее, чем пятьдесят тысяч зрителей